

СВЯЗАНА ЛИ ВЕРА С ПАТРИОТИЗМОМ?

На вопросы отвечает свящ. Георгий Кочетков

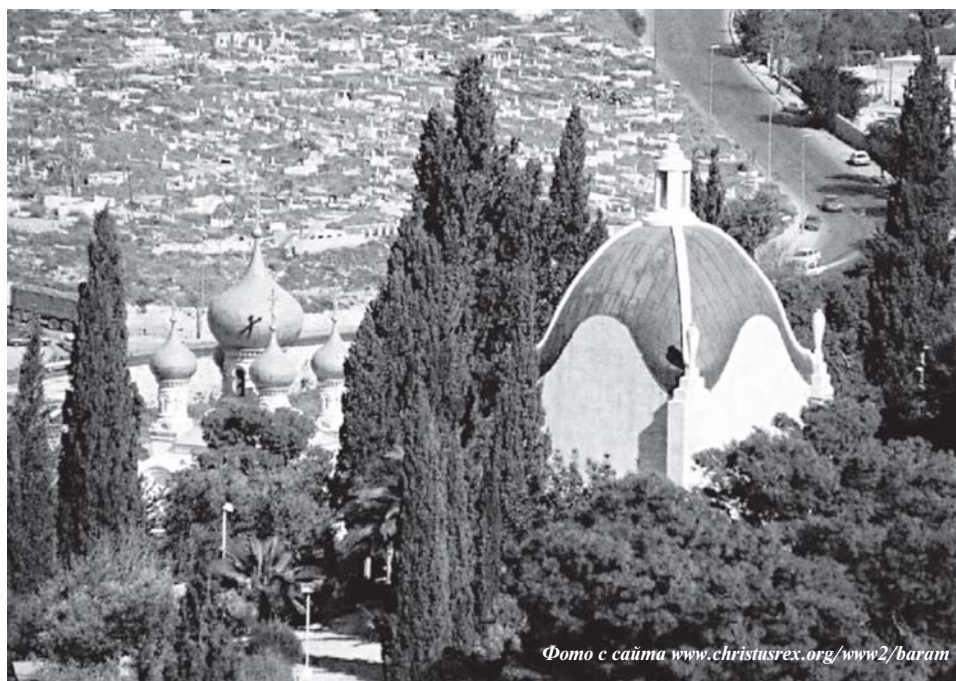
— Можно ли в молитве просить себе тяжёлые болезни, чтобы хоть как-то искупить смертные грехи (такие грехи, что в голове не укладывается, как я могла так поступать, сама себе не могу простить)? Не грех ли это? А то ещё больше буду усугублять свои грехи.

Свящ. Георгий Кочетков: Ваши сомнения совершенно справедливы. Конечно, такая просьба в молитве была бы греховной просьбой, которую Господь не может исполнить. Есть очень важное положение нашей веры, которое, хотя и не входит в официальные символы, имеет большое значение: Бог зла не творит. Так что Вы себе, наверное, представляете, кого Вы будете призывать, если попросите некую высшую силу сотворить зло, — совсем не нашего Бога, Который есть Любовь, Который исцеляет, призывает всех к прощению и Сам даёт всем прощение и помогает исправиться.

Да, конечно, тяжесть греха на сердце — это серьёзная вещь. И хорошо, что это Вас так волнует. Однако Вам нужно через Вашу веру, через доверие и любовь к Богу и ближним достичь возможности простить себя и тем самым освободиться от прежних грехов, какими бы тяжёлыми они ни были. Помните ещё одно очень важное положение нашей веры: нет такого греха на земле, который бы превалировал милосердие Божие.

— Связана ли вера с патриотизмом? Я думаю о том, чтобы эмигрировать из России. Богу ведь не важно, где я буду жить?

Свящ. Георгий Кочетков: Этот вопрос не так прост, он неоднозначен. Да, христианство универсально, оно — для всех времён и всех народов. Если оно проповедует патриотизм, то в первую очередь по отношению к Отечеству Небесному. И только потом, в силу ответственности человека за свою (и не только свою) земную жизнь, возникает вопрос об ответственности за народ, страну, город или село, в котором живёшь, за всё общество, за прошлое, настоящее и будущее, культуру, историю. Не так легко перейти от патриотизма по отношению к Царству Божьему — условно говоря, «вертикального» — к патриотизму «горизонтальному», относящемуся к Отечеству земному, которое, не будучи Царством Небесным, всегда имеет своё призвание, не выходящее за рамки истории. Ибо вместе с историей умрут и царства, и государства, и социальные проблемы, и представления о нашей малой и большой родине в «горизонтальном» аспекте. Действительно, есть некое напряжение между этими вертикалью и горизонталью. Часто патриотизм Отечества земного совмещают с патриотизмом по отношению к Отечеству Небесному. Так же часто резко противопоставляют и разрывают эти вещи и считают, что патриотизм земной явно мешает патриотизму по отношению к Отечеству Небесному. Наверное, истина заключается ни в том и ни в другом. И в то же время она не лежит посередине. Она находится в антиномической реальности точно так же, как и сама личность человека, который должен жить в мире сем, но не от мира сего, так же, как живёт вся Церковь. Церковь не может отождествлять себя с патриотическим движением и не может ограничивать себя патриотическими лозунгами, интересами, если иметь в виду патриотизм «горизонтальный». Когда верующие люди, выступающие от имени церкви, принимают решения или что-то ответственно заявляют, ориентируясь только на интересы отечества земного, они грешат. К сожалению, в наше время таких вещей немало. Мы встречаемся с этим в самых разных церквях, странах, народах, культурах. Здесь надо быть осторожными и внимательными и сле-

Католическая церковь Доминус Флэвий (построена в 1955 г.) — церковь плача Господня. На этом месте Иисус Христос плакал о грядущем разрушении Иерусалима

дить за тем, чтобы с христианской верой и жизнью не произошло того же, что произошло с ветхозаветной религией, которая, как правильно нередко говорят, выродилась из религии завета в национальную религию, религию лишь одного малого народа. И в то же время совсем не ощущать нужды, потребности того народа, среди которого живёшь, не ощущать ответственности за ту страну, в которой «родился и пригодился», которая тебя кормит и воспитывает, тоже ненормально для христианина. Не то что нельзя эмигрировать из страны — можно, если есть у Вас для этого достаточные основания. Но если можно не эмигрировать, то лучше не уезжать, потому что нельзя бежать от своего креста, нельзя уходить с того места, на которое тебя поставил Господь по факту ли твоего рождения, трудовой деятельности или церковного служения. Нам совсем не безразличны судьбы того народа, в котором мы живём, к которому мы себя причисляем. Массовая эмиграция из стран бывшего СССР, в том числе из России, объясняется, прежде всего, забвением этой ответственности и выглядит часто печально, иногда жалко. Все попытки спастись эскапизмом должны быть сто раз проверены, прежде чем осуществиться. Так что спросите себя, зачем Вы едете, и подумайте сто раз, прежде чем принимать решение об эмиграции: не нарушите ли Вы тем самым волю Божию. Хотя если Господь Вас поведёт в другое место и Вы там будете лучше исполнять волю Божию не только для себя, но и для всех других людей — для Ваших ближних, для церкви, хотя и в другом месте, в другой стране, пусть даже очень неудобной для Вас, — то это другое дело, это возможно. Так что будьте осторожны и внимательны.

— На какую стену в доме лучше вешать иконы?

Свящ. Георгий Кочетков: Икона в доме — это всегда вещь неслучайная. Настоящая икона — это некий центр притяжения, духовного внимания. Поэтому действительно безразлично, как и где икона стоит, так же как безразлично, какая у вас дома икона — хорошая или плохая. Главное требование к месту расположения иконы — чтобы это был не некий абстрактный красный угол, который вычисляется независимо от того, как и где вы живёте, какие у вас иконы, а чистое место, т.е. место удобное для молитвы, не испачканное, не

грязное, как во внешнем смысле, так и во внутреннем. Икона должна освящать Ваш дом, возбуждая в Вашем сердце желание молитвы к Богу, напоминая о том, что Бог всегда рядом, и поэтому остерегая от совершения того или иного греха или беззакония, от того, чтобы обманывать, ругаться, выпивать, играть в азартные игры и даже просто курить, а тем более прелюбодействовать, строить какие-нибудь преступные замыслы, предаваться стяжательству, сребролюбию, честолюбию. В этом смысле сила хорошей иконы очень велика. Если она написана глубоко верующим человеком в церковной традиции (а это не означает лишь стилизацию под древние образцы), если она несёт в себе настоящий духовный заряд, то вы сами захотите крепко подумать, куда повесить икону. Может быть, именно от этого чувства и возник Ваш вопрос, совсем не праздный. Только не решайте, повторяю, этот вопрос формально: вот, должен быть красный угол, вот, молиться нужно на восток — и всё. Подумайте и о других сторонах этого дела.

— Как правильно вести себя на могиле: крещёного, некрещёного, самоубийцы, иноверца? Как молиться и можно ли молиться?

Свящ. Георгий Кочетков: Если Вы находитесь на могиле крещёного или некрещёного человека, самоубийцы или иноверца, и этот человек Вам безразличен по каким бы то ни было причинам, то Вы, конечно, должны прежде всего вспомнить о молитве и помолиться об упокоении его души. Церковь запрещает молитвы за тех или иных людей (например, за самоубийц) только в церковном собрании, чтобы не подавать дурной пример слабым людям, «малым сим», но никогда не запрещала никаких молитв за людей живущих и отошедших от земли, если Вы сами совершаете их в сердце своём. Не теряйте этих возможностей, особенно когда Вы находитесь на могиле известного Вам человека или многих людей. Никогда не узурпируйте, не восхищайтесь у Бога последний суд, кто бы ни был перед вами — крещёный или некрещёный, мусульманин, иудей, язычник, просто неверующий или самоубийца. Запомните: Церковь не восхищается суда Божьего и не рекомендует это делать кому бы то ни было из своих членов. Проявите любовь и милосердие, доверие к Божьей силе и власти, к Божьей любви, к Божьему милосердию.

— Спаситель говорит нам принимать всё, чему учат нас фарисеи, саддукеи и т. д. и т. п., но как они ведут себя — так себя не вести. Считались ли оба учения за истинные учения до Спасителя или же одно считалось ложным, а другое — нет, и почему Спаситель говорит о двух разных учениях как о двух истинных?

Свящ. Георгий Кочетков: Господь не говорит, что надо принимать учение фарисеев и саддукеев. Вот Его слова: «Что они говорят вам делать — делайте». Ведь эти люди (особенно фарисеи) учили исполнять Закон Божий. Господь не говорит, что нужно вступать в прения с ними, Он говорит: по делам их не поступайте. То есть не будьте лицемерами, не будьте ритуалистами, обрядоверами, формалистами в вере, законниками, — фундаменталистами, как мы сказали бы в наше время. Не живите по принципу «правило на правило, закон на закон», так, чтобы буква становилась выше духа. С другой стороны, не идите на недолжные компромиссы с миром сим, как это делали саддукеи. Так что читайте, пожалуйста, внимательно Священное писание. Там нет ничего из того, что Вы вычитали.

— В миру могут жить те, кто силен духом, чтобы справляться со многими искушениями этого мира, так как в монастыре явных искушений значительно меньше, но однако есть более скрытые. Правильно ли это или это сугубо индивидуально?

Свящ. Георгий Кочетков: Я думаю, что в жизни могут быть самые разные случаи, но если усреднять, немного абстрагируясь от конкретных вещей, то я бы скорее не согласился с Вами. Я думаю, что везде есть и свои послабления, и свои трудности и искушения — что в миру, что в монастыре. В наше время монастырская жизнь от мирской отличается не принципиально. Время древних пустынь прошло, как и древних монастырей. Поэтому разница, скорее, формальная, внешняя — в стиле, в форме жизни, а не в её содержании. Можно спасаться и в миру, можно спасаться и в монастыре. Мудрые праведники, жившие в советское время, говорили: в миру верующий человек нужнее. Так же, как они могли сказать, например, о посте: всё ешь, а людей не ешь. Мы немного забыли или еще не poznali опыт новомучеников и исповедников российских. Они бы нам сказали о том, что времена изменились. Даже Достоевский своего Алёшу Карамазова отправляет в мир со словами: «Иди в мир, там мира нет». Это всё не случайности, а отражение воли Божьей.

Монастырь хорош тем, что там можно вложить свой труд в церковную сокровищницу, что-то сделать для церкви, а также для людей, которые заходят в этот монастырь, ища утешения, доброго совета, а иногда просто доброго взгляда. Монастырь — это некоторый оазис, внешне отрадное место. Иногда таким же местом становится приход или та или иная духовная школа. Я это могу вполне компетентно утверждать, имея опыт учебы в Ленинградской духовной академии и опыт уже более двадцати лет жизни, скажем, в нашем Свято-Филаретовском православно-христианском институте. Но таким же духовным оазисом, насколько не худшим, если не лучшим, может быть церковная община или церковное братство. Так что не надо идеализировать монастырь, так же, как не надо его уничижать, дискредитировать. Если эпоха монастырей как авангарда церковной жизни проходит или уже прошла, то это не значит, что монастыри не имеют значения и не оправдывают своего существования. Только надо искать подлинный путь своего служения, не бояться ни монастыря, ни мира, а быть там, куда поставил тебя Господь.

ПЯТОЕ СЕНТЯБРЯ

5 сентября 1918 года Совнарком РСФСР принял «Декрет о красном терроре», которым санкционировал создание первых в истории человечества концентрационных лагерей для социально «непригодных» граждан. В 1972 году по инициативе политзак-

В наступающей темноте мы начали собираться по одному в недостроенном бараке. Чтобы нас не заметили рыщущие по всей зоне надзиратели, все окна в бараке мы завесили изнутри одеялами и бушлатами, так что снаружи он казался необитаемым.

Мы решили ограничиться минимумом участников. Было отобрано 32 человека, представители всех национальностей и религий. В основном молодежь.

Впотьмах мы выстроились вдоль трёх бревенчатых стен барака. У четвёртой стены, на белой простыне, насыпали символический могильный холмик — несколько ведёр тайно накопанной земли, символизирующей братскую могилу миллионов. Между могилкой и четвёртой стеной бросили несколько витков колючей проволоки — достать которую было труднее всего...

В центре барака на опрокинутом ящике мы положили чистое полотенце, а на нём разложили свечи трёх размеров.

Заранее выверенный и утверждённый траурный ритуал воспрещал какие бы то ни было акты насилия в этот день, а также речи и выступления. Это знали все присутствующие.

Предусматривались — минута молчания, затем молитвы верующих различных вероисповеданий, а на следующий день голодовка и далее по усмотрению каждого — любые ненасильственные действия протеста. Всего несколько слов было сказано в самом начале мною.

Затем самый старший из нас, Евгений Пришляк, зажег самую большую свечу — одну за всех погибших, в память многих миллионов, и поставил её в изголо-

ловенных возникла традиция: ежегодно отмечать этот день как день памяти жертв красного террора. Мы публикуем отрывок из воспоминаний о том, как это совершалось в первый раз в лагере Пермь-36.

вье могилки. После него тем из нас, у кого родственники или близкие друзья погибли в советских лагерях и тюрьмах, предстояло поставить по маленькой свече за каждого погибшего.

Я не ожидал, что когда об этом будет объявлено, почти все присутствующие подойдут к ящику и возьмут — кто одну, а кто и по 5, и по 8 свечей...

Минута — и могильный холмик запылал огнями.

Те, кто ставили свои свечи последними, обжигали себе руки. Места на холмике уже не было. Да и руки у многих дрожали, это было заметно...

Затем мы вновь выстроились вдоль стен, и воцарилась мёртвая тишина. Несколько минут мы стояли и смотрели на густо утыканный свечами пылающий земляной холмик... Рябило в глазах... Некоторые плакали...

Старому лагернику Ивану Покровскому стало плохо. Мы услышали сдавленный стон и увидели, как он сполз вниз... Его подхватили и держали под руки.

Затем мы отошли в сторону и разделились по вероисповеданиям. По очереди стали подходить к могилке группами верующие. Они зажигали свечу и совершали молитвы за своих единомышленников. За-

упокойные мессы и поминальные молебны были разучены заранее и совершались на родном языке, громко, во весь голос. Среди молящихся были православные, старообрядцы, католики, магометане, иудеи, баптисты, лютеране. Некоторые становились на колени. Многие сотрясали сдерживаемые рыдания...

Утро следующего дня, 5-ое сентября 1972-го года, началось для нас необыкновенным небесным явлением. Как только нас выстроили для утренней проверки, небо осветилось необыкновенно чистой и яркой Радугой. Это было сродни пожару, говорили потом многие... Радуга, расцвеченная неестественно ярко полыхающими красками, огненным мостом соединила Землю и Небо. Это явление было столь необычным, столь отличающимся от всего того, что мы видели раньше, что не только мы, но и надзиратели все оцепенели, онемели, и как замороженные — смотрели на Небо. Они тоже забыли о том, что идёт утренняя проверка...

Из документального рассказа
Михаила Макаренко

ЭТО БЫЛ ЧЕЛОВЕК-ОГОНЬ

В сентябре этого года исполнилось 25 лет со времени кончины украинского поэта Васыля Стуса, погибшего в лагере Пермь-36 незадолго до освобождения всех политзаключенных после «перестройки». Это был человек-огонь, не умевший лгать с детства.

Говорит сестра поэта Мария Семёновна Стус:

Василь не собирался быть поэтом — мечтал стать геологом. У нас в семье воспитанием занимался отец. Мама о нас заботилась — покормит, все по дому сделает, а мне только: «Маруся, ты отдохни трошечку». А отец вечером сядет и всё говорит, говорит с Васылем. А я сижу рядом и что-то черчу или математику решаю, я люблю математику с детства. И вот они говорили о Винниченко, Любченко — тогда ведь это были запрещенные люди все, а он о них все знал, не знаю откуда...

В хате у нас всегда было полно хлопцев — с самых малых лет Васыля. Его любили одноклассники. Даже учителя знали, что если кого-то надо искать — знает, у Васыля.

Василь был не просто патриотом — он был пламенным патриотом, никогда не был против власти. В шестом классе его послали на пионерский слет и там он так горячо кричал: «За Ленина! За Сталина!» — про него тогда подумали, что он сын какого-то партработника.

...Надо сказать, что у нас в семье всегда было к родителям очень трепетное отношение, мы их буквально лелеяли — хоть и на ты называли, но чтобы что грубое им сказать — никогда! Показать перед ними в плохом виде — мы и представить себе такого не могли! И вот в выпускном классе (Василь шел на медаль) и на уроке одного из самых уважаемых учителей в школе — Кость Макаровича Тесленко — он вдруг говорит: «Вы говорите неправду, было не так!» — при всех, при всем классе! А ведь время было такое — учителя не всё могли говорить. Возник конфликт. Родителям Василь сказать не может — как? А Кость Макарович перестал его вызывать, а ведь четвертая четверть — конец года, конец школы. Только через месяц или два Василь не выдержал и рассказал обо всем отцу. Отец был согласен с Васылем — он действительно сказал правду. Пришлось отцу идти к Кость

Макаровичу, а тот говорит: «Василь верно меня поправил, но при всем классе делать это было нельзя. Подошел бы он после урока, сказал бы — другое дело». После разговора с отцом Кость Макарович так ни разу и не вызвал Васыля, правда, «пятерку» за год поставил. На выпускном Василь подошел к Кость Макаровичу, вручил ему подарок, и они ушли прямо с выпускного, пошли домой к Кость Макаровичу и долго говорили. Кость Макарович тогда признал правоту Васыля, и потом они были большими друзьями! Когда Вася попал в тюрьму — всегда писал ему, и к нам приходил.

Василь выучил немецкий язык, учась в школе, а в институте учил еще французский и английский. В институте у него был очень хороший круг друзей — очень умные хлопцы! И они тоже знали языки.

После первого срока Васыля пригласили профессором в Кембриджский университет. Но жена его работала на закрытом заводе и нужно было пять лет ждать, чтобы ее выпустили из страны. Уже и документы были готовы, но один он не поехал. А ведь тогда бы второго срока не было...

Родители наши в церковь всегда ходили, нас тоже брали, но потом — школа, сами понимаете. У нас в школе один мальчик был алтарником в храме, так его так ругали и на второй год оставили. Все десять классов над ним издевались. Потом он не доучился в Одесской семинарии, сошел с ума и вскоре умер.

Во многом Стус сделал себя сам — будучи отличником в советской школе, он очень много читал, в т.ч. и полузапретную литературу, которую всегда искал и находил у своих старших друзей. Он не считал себя диссидентом — он просто говорил правду. В том числе и тогда, когда познакомился с культурной киевской элитой и стал свидетелем ареста людей, ставших для него учителями. Он мог позволить себе, например, в кинозале перед общественным просмотром фильма С. Параджанова «Тени забытых предков», во время акции протеста против ареста «шестидесятников», обратиться к залу с призывом:

— Кто против тирании — встаньте!

Многие тогда встали, на следующий день Стуса исключили из аспирантуры.

Первый арест он пережил через 7 лет. В заключении (в общей сложности больше 10 лет) он написал около 1000 стихотворений, многие из которых пропадали, изымались. Оттуда он писал письма сыну, фактически — воспитывал его из тюрьмы. Стус принципиально говорил и писал только на украинском языке — это, как и многое в его образе, выглядело вызывающе. Так он старался сохранить живой язык своей страны, видя, что он может буквально исчезнуть.

В его стихах — боль за страну, за семью, за то, что правда не имеет силы в его народе. И — надежда на то, что эта беда уйдет, сгинет.

Как хорошо, что смерти не боюсь. Несу тяжелый крест через погосты. Предчувствуя неведомые версты, Перед судом лукавым не клонюсь. Хоть я сполна изведал жизни вкус, Но не набрался подлости и скверны. О, мой народ, тебе останусь верным И к вечной жизни в смерти обернусь. Склонюсь я до земли перед тобой, В твои глаза вгляжусь, благоговей. И обручусь с родной землей моею, И породнюсь с моей землей родной.*

И жаворонки носятся звеня — сверканьем серебра степное русло из памяти моей блеснуло тусклой, где бродят тени — не при свете дня. Нам долгий срок из вышины ветвей накуковало серое сословье. Достанет ли — не сглазить бы — здоровья на сладостной земле, да не своей? Прогорклым медом пахнет сеностой, зеленых стекол жар в зеленой хате, где, причастясь последней благодати, спят мертвые, распластаны крестом, а с ними и архангел Михаил, сложив персты молитвенной щепотью.

А мир греховный бьется всею плотью о стены ада, выбившись из сил.**

В 1985 году Василь Стус выдвигался на Нобелевскую премию по литературе, однако умер раньше, чем вопрос о ее присвоении был рассмотрен Нобелевским комитетом. Он погиб 4 сентября при невыясненных обстоятельствах на второй день сухой голодовки в камере лагеря 389/36 близ села Кучино Пермской области.

В 1993 г. он стал лауреатом премии им. Тараса Шевченко (посмертно).

Материал подготовлен
Анастасией Наконечной

* Перевод Александра Глезера. Журнал «Третья волна» (Франция) № 3-4. 1978. Вот как стихотворение звучит в оригинале в одной из авторских версий:

Як добре те, що смерті не боюсь я
і не питаю, чи тяжкий мій хрест.
Що вам, богове, низько не клонюся
в передчутті невідомих верств.
Що жив-любив і не набрався скверни,
ненависті, прокльону, каяття.
Народе мій, до тебе я ще верну,
і в смерті обернуся до життя
своїм стражданням і незлим обличчям,
як син, тобі доземно поклонюся
і чесно гляну в чесні твої вчі,
і чесними слізами обліплюся.
Так хочеться пожити хоч годинку,
коли моя розвіється біда.
Хай прийдуть в гості Леся Українка,
Франко, Шевченко і Сковорода.
Та вже! Мовчи! Заблуканий у пущі,
уже не ремствуй, позирай у глибо,
у суще, що розпукнеться в грядущу
і ружюю заквітне коло шиб.

** Перевод Натальи Горбаневской. Журнал «Континент» № 37. 1983.